

- Месячные!

Первой крикнула Крис Харгенсен. Слово ударило о кафельные стены, мгновенно отлетело эхом и ударило вновь. Сью Снелл насмешливо фыркнула, почувствовав в душе странную, неуютную смесь ненависти, отвращения, раздражения и жалости. Кэрри выглядела удивительно глупо, когда стояла вот так, не замечая, что происходит. Боже, можно подумать, у нее никогда не было...

- МЕСЯЧНЫЕ!

Теперь кричали уже хором, словно заклинание. Затем кто-то в другом конце раздевалки (может быть, опять Харгенсен, но Сью уже не разобрала в сумятице голосов и отраженного от стен эха) крикнул хриплым распушенным голосом: «Заткни течь!»

- МЕ-СЯЧ-НЫ-Е! МЕ-СЯЧ-НЫ-Е! МЕ-СЯЧ-НЫ-Е!

Затравленно озираясь, Кэрри стояла в центре образовавшегося круга, и по ее коже скатывались крупные капли воды. Стояла, словно терпеливый вол, понимая, что смеются, как всегда, над ней, смущенно молчала, но несколько не удивлялась – привыкла.

Когда первые капли менструальной крови, ударившись о кафельные плитки, растеклись темными пятнами размером с десятицентовую монету, Сью почувствовала, как поднимается в ней волна отвращения.

- Черт побери, Кэрри! У тебя же месячные! – крикнула она. – Приведи себя в порядок!

- А? – Кэрри обвела стоящих перед ней девушек непонимающим взглядом. Мокрые волосы липли к ее щекам, словно застегнутый у подбородка шлем. На плече – целое созвездие прыщей. В шестнадцать лет в ее глазах уже ясно читались затаенная боль и унижение.

- Она, наверное, думает, что ими только губную помаду можно стирать! – насмешливо выкрикнула вдруг Рут Гроган, словно только что припомнила какой-то забавный случай, и визгливо расхохоталась. Сью вспомнила эту реплику позже и вписала ее в картину происходящего, но в тот момент она даже не поняла смысла – еще один выкрик в нестройной мешанине голосов. «Шестнадцать лет? – думала Сью. – Пора бы ей знать, что происходит, пора...»

На пол упали еще несколько капель. Кэрри медленно переводила взгляд с одной девушки на другую, по-прежнему в полном недоумении.

Элен Шайрс отвернулась и сделала вид, будто ее тошнит.

- У тебя же кровотечение! – пронзительно крикнула Сью, вконец обозлясь. – Кровь, дура ты бестолковая!

Кэрри посмотрела вниз и испуганно взвизгнула.

Во влажном воздухе раздевалки ее визг прозвучал неожиданно громко.

В грудь Кэрри ударился тампон и с легким шлепком упал на пол у самых ног. По вате тут же расплзся темно-красный цветок.

А затем смех – издевательский, презрительный, истеричный – вдруг словно разбух,

превратившись во что-то совсем дикое и уродливое, и все, кто был в раздевалке, принялись швырять в Кэрри тампонами и гигиеническими пакетами – кто из сумок, а кто из сломанного автомата на стене. Они сыпались на Кэрри, будто тяжелые снежинки, а все скандировали:

- За-ткни-течь-за-ткни-течь-за-ткни-течь...

Сью тоже бросала – бросала и кричала вместе со всеми, не совсем даже понимая, что делает. В мозгу ее вспыхивала неоновым светом и не переставая крутилась, как заклинание, одна только мысль: «Ничего плохого здесь нет в самом деле ничего плохого здесь нет в самом деле ничего плохого...» Она еще вспыхивала и светилась, успокаивая и обнадеживая, когда вдруг Кэрри завывала и попяtilась, отмахиваясь руками, бормоча что-то и всхлипывая.

Девушки неожиданно остановились, осознав, что цепная реакция вот-вот приведет к взрыву. Именно в этот момент, как уверяли некоторые, они почувствовали удивление. Однако все те годы не прошли бесследно, все те годы, вместившие «давай стянем у Кэрри простыню» в летнем лагере христианской молодежи, и «я нашла ее любовное письмо к Бобби Пикетту, давай размножим его и всем раздадим», и «давай спрячем где-нибудь ее трусы», и «давай сунем ей в туфли змею», и «топи ее, топи». Вот Кэрри упрямо тащится за группой на велосипеде и никак не может догнать. Кэрри, которую в прошлом году звали «пудингом», а в этом – «мордой», Кэрри, от которой всегда пахнет потом. А вот она, присев помочиться в кустах, обжигает зад крапивой, и все об этом узнают («Эй, краснозадая, как, до сих пор еще чешется?»). Вот Билли Престон мажет ей волосы ореховым маслом, когда она уснула на занятиях. А сколько ее щипали, ставили ей подножки, когда она шла к доске, сбрасывали ее учебники со стола... Или тот случай, когда ей в сумку подсунули скабрзную открытку... Вот Кэрри на церковном пикнике: она опускается неловко на колени, чтобы помолиться, наклоняется, и шов на старой полосатой юбке расходится вдоль молнии с таким звуком, будто кто-то громко «подпустил ветра». Кэрри, которая никогда не может поймать мяч, даже когда он летит ей прямо в руки, и всегда влетает в сетку на волейбольном поле. Кэрри, которая на втором году средней школы споткнулась на уроке современного танца, растянулась на полу и отколола зуб. Кэрри, у которой чулки всегда со стрелками, или «бегут» прямо на глазах, или вот-вот «побегут». Кэрри, у которой всегда влажные пятна под мышками... Или вот Крис Харгенсен звонит ей после школы из автомата на окраине города и спрашивает, знает ли она, что «поросыачье дерьмо» пишется всего в пять букв: К-Э-Р-Р-И... Все это вдруг сложилось вместе, и масса стала больше критической. Последний убийственный прикол, последняя капля в чаше терпения – и все. Взрыв.

Кэрри взывала в наступившем молчании и, закрыв лицо полными руками, попяtilась. К мокрым волосам внизу живота прилип метко брошенный кем-то ватный тампон.

Девушки следили за ней внимательными, настороженными взглядами.

Кэрри забилась в угол одного из четырех больших отделений душевой и медленно опустилась по стене на пол. Из ее горла рвались тягучие, беспомощные стоны. Глаза закатились, сверкая влажными белками, словно глаза свиньи в загоне бойни.

- Мне кажется, это у нее в первый раз... – неуверенно произнесла Сью.

В этот момент с резким плоским хлопком распахнулась, ударив в стену, дверь, и в раздевалку, узнать, что происходит, влетела мисс Дежардин.